

УДК 821.161.1

«ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ» В СУДЬБАХ ГЕРОЕВ М.А. ШОЛОХОВА И Ф.А. АБРАМОВА

© 2013 О.В. Голотвина

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 ноября 2012 г.

Аннотация: В статье на материале произведений писателей-реалистов XX века М.А. Шолохова и Ф.А. Абрамова рассматривается проблема взаимосвязи русского человека с землей в свете её традиционного восприятия, а также причины и последствия трансформации этой связи, ставшей возможной в результате глобальных исторических изменений.

Ключевые слова: земля, крестьянин-труженик, традиционное мироощущение, хозяйственность, исторические изменения, ответственность, авторская концепция.

Abstract: The article is devoted to the problem of russian man's correlation with land in his traditional, national perception which is considered on a material of works of M.A. Sholokhov and F.A. Abramov - writers-realists of the twentieth century. More over it is paid attention to reasons and consequences of this connection transformation, which became possible due to global historic transformations.

Key words: the land, a toiler peasant, the traditional perception of the world, a thriftiness, historic transformations, a responsibility, an author's conception.

Для русского человека слово «земля» традиционно имело не столько физиологическое, сколько интуитивное и духовно-нравственное наполнение. А.А. Коринфский, один из известнейших отечественных этнографов, так писал об отношении нашего крестьянина к земле: «До окончания веков останется она все тою же матерью для живущего на ней и ею народа, своим внукам-правнукам заповедывающего одну великую нерушимую заповедь: о неизменном и неуклонном сыновнем почитании ее» [1, 17].

Однако с 1860-х годов стали складываться условия для процесса раскрестьянивания, денатурализации производства, толчок к которым дали реформы 2-й пол. XIX в. Изменения уже тогда заставляли задуматься о последствиях разрушения многовековой системы хозяйствования как формы жизни. Так, Г.И. Успенский, уже в 1882 г. писал: «...огромная масса русского народа до тех пор и терпелива, и могуча ...покуда над ним царит *власть земли*... Оторвите крестьянина от земли <...> добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, <...> настает душевная пустота...» [2, 213].

Перипетии XX века не только увеличили этот разлом, но и поколебали духовную ценность земли, а погоня за материальным благополучием сделала ее во многом предметом купли-продажи. Нарушив саму основу естественного развития

крестьянской жизни, породив необратимые изменения в ее генетической основе, «великий перелом» проявился во всех сферах — от хозяйственной до нравственной.

Будучи современниками, М.А. Шолохов и Ф.А. Абрамов на разном историческом материале рассматривали специфику человеческого сознания в условиях глобальных исторических изменений, в общей сложности охватив весь XX век.

М.А. Шолохов не скрывал своей приверженности к исконному мироощущению земледельца. От «Донских рассказов» до «Тихого Дона» и «Поднятой целины» образ земли, временами трансформируясь, выверяет характеры персонажей, отражает исторические изменения.

В донском цикле упоминание о земле есть практически во всех рассказах. Так, ее зов становится причиной захвата Крамским-старшим пустынной пашни («Коловерть»). Лишенный семян Степан («Обида») страшится взглянуть на «черную, распластанную трупом пахоту» [3, 252]. Тоскует лишившийся ног Аникей («Лазоревая степь»), потому что «...землю сроду не придется пахать» [3, 321], оттого прячется, обнимает «глыбу, лемешами отвернутую, к себе жмет, руками гладит, целует» [3, 321]. Подчиняясь ее властному призыву, возвращаются с легких кубанских хлебов бывшие погорельцы («Батраки»), призрачно надеясь заработать на новый инвентарь и зажечь «своим хозяйством». «Манила <...> земля, звала по ночам» [3, 366] и деда Гаврилу («Чужая кровь»),

© О.В. Голотвина, 2013

заставляя не думать о «прахом дымящемся» хозяйстве. Кроме того, в рассказах «Родинка» и «Шибалково семя» упоминается архаичный обряд клятвенного поедания и целования земли как самого надежного гаранта, а положение земных поклонов — как высшей степени уважения либо смирения.

Уже в первых строках «Тихого Дона» образ земли заявляет о себе в старинной казачьей песне, становящейся лейтмотивом событий эпопеи:

«Не сохами-то славная *землюшка* наша распахана...» [4, 5] (выделено — О. Г.).

Символика земли, земной тверди имеет в романе несколько уровней прочтения. Л.Г. Сатарова, рассматривая роль природы в философско-эстетической концепции романа, указывает на *конкретный* («...та земля, на которой пашут и сеют казаки и за которую они воюют в гражданской войне»), *метафорический*, возникающий в том случае, «...когда речь идет об обретении героем почвы <...> определенной социально-нравственной позиции в мире», и *символический*, когда она «...выступает в роли колыбели всего сущего, живого, в том числе и человека» [5, 10]. Н.Ю. Желтова, говоря об образе земли в романе, расширяет границы ее восприятия до национального топоса, условно поделенного на периферию родного пространства и пределы родного дома, где находится некий сакральный центр, в поисках которого герой ранее и отправляется в странствия [6, 243].

Критики советского периода активно рассматривали «власть земли» над судьбами патриархальной части казачества, изображенного М.А. Шолоховым, и, в первую очередь, над главным героем «Тихого Дона». Так, Ф. Бирюковым Григорий охарактеризован как «труженик, человек от земли» [7, 114], А. Бритиков считал, что «в Григорьевом чувстве земли — вся противоречивость его позиции, его сознания, его социальности труженика и собственника одновременно» [Цит. по 8, 179]. Л. Якименко говорил о «душе хозяйчика», о прошедшем через всю гражданскую войну мелеховском чувстве собственника в отношении к своему паю земли [9, 67] и др. В своей кандидатской диссертации (1951г.) Ф.А. Абрамов, находясь под идеологическим влиянием времени, также дал негативную оценку привязанности главного героя к земле как частной собственности: «Только тогда удастся ему [Г. Мелехову. — О. Г.] вырваться из плена земли, собственности, когда он приобщается к большой революционной правде <...> «власть земли» является одной из главных причин трагедии Мелехова <...> Совсем другие отношения между человеком и природой-землей в «Поднятой целине» [10, 322]. Интересно, что позже Ф.А. Абрамов пересмотрел свое отношение к данной проблеме. Его собствен-

ный герой, Михаил Пряслин, в романе 1978 года «Дом» будет привязан к земле ничуть не меньше Мелехова. Более того, причину бесхозяйственности в деревне автор «Братьев и сестер» увидит именно в разрыве связи с землей и традициями. А в выступлении 1981 года он предостережет: «... утрата связей человека с животными, с землей, с природой может обернуться очень серьезными последствиями <...> непредвиденным изменением национального характера» [11, 110].

Связь Григория с землей чувствуется на протяжении всего романа. Ее образ в контексте произведения выступает, в том числе, и как синоним дома, мирной жизни, традиционного уклада и благополучия. Вот почему герой не сразу решает покинуть родной хутор: « Ну, куда я пойду от хозяйства? <...> От земли я никуда не тронусь» [4, 61]. Когда же вместе с Аксиньей он все же уходит в Ягодное, отрываясь от корней, едва ли младший Мелехов чувствует себя счастливым человеком. Казалось бы, случайно, во время охоты, Григорий попадает на пашню, и сразу становится ясно: внутренне он не изменился. Таким образом, замыкается первый, малый круг его устремлений, поисков, расширяющийся по мере все новых и новых исканий, в которые он пускается не всегда по своей воле, и замыкающийся вновь и вновь на пороге родного куреня, но не на прежнем уровне, а, подобно спирали, поднимая героя на новую высоту жизненной, нравственно-бытийной правды.

Ведущим образ родной земли становится в третьей и четвертой книгах, так как именно «ревнивое чувство к земле» поднимает казаков на противоборство в лихолетья гражданской войны. Метафора «землица-любушка», встречающаяся в тексте не единожды, подчеркивает его значимость и полновесность. Верхнедонское восстание, даря и руша надежды, не могло заслонить собой естественного хода жизни. Земледельческий календарь то и дело вырывал казаков из боевого строя, занимал мысли командиров и рядовых. Григорий, будучи уже командующим дивизией, приезжает в хутор лечить свое «пришедшее в смятение сердце» пахотой. Татарские пехотинцы, возвращаясь на фронт с «побывки», с тоской глядят на сохнущую «делянку зяби», ждущую хозяина, чувствуют её притяжение, и жалеют, что подоспевшая земля, скорее всего, так и останется сиротеть, оттого «...каждый нагибался, брал сухой, пахнувший вешним солнцем комочек земли, растирал его в ладонях, давил вздох» [12, 289]. Подобно изболевшейся, истомившейся *матери*, земля звала помириться, опомниться, вернуться к истокам, оставить богатую жестокостями «игрушечную» войну, предлагая единственную правду, «под крылом которой мог бы посогреться всякий» [12, 194].

Неоднократно слова *земля* и *война* автором вводятся в оппозицию, подчеркивается благо и жизненная необходимость первого и грязь, боль последнего: «...заходило время пахать, боронить, сеять; земля кликала к себе звала неустанно день и ночь, а тут надо было воевать, гибнуть на чужих хуторах от вынужденного безделья, страха, нужды и скуки» [12, 288]. Возможно, именно поэтому многие казаки отказывались уходить от своих плетней, защищая чужие интересы, а командование «боялось дезертирства к началу полевых работ» [12, 273]. По этой же причине позже распадется и банда Фомина.

Метания и сомнения Григория, его «густая тоска» приводят к тому, что он теряет под ногами почву, «землю-опору», «пьяным кружалом пуская жизнь» [12, 271]. Отрезвление в полной мере приходит к нему в момент припадка. Осознание собственной вины сдирает с него коросту жестокости, смягчит давно зачерствевшее сердце-солончак, мешавшее прямо посмотреть в глаза ребенку. Сам он, подобно плачущему мальчишке, припадающему к груди матери в поисках поддержки и защиты, не чувствуя холода, бросается на снег и «...стоная, бился головой о взрытую копытами, тучную, сияющую черноземом землю, на которой родился и жил...» [12, 278].

Для выражения внутреннего состояния Мелехова уже после того, как тот «лишился всего, что было дорого его сердцу» [13, 482], автор вводит образ выжженной палами степи с потрескавшейся, мертвой землей, однако именно за землю как синоним жизни и «колыбель всего сущего» «судорожно цеплялся» Григорий, вспоминая о детях. В этом же контексте читается фраза деда Гришаки, понимающего и ждущего смерти как избавления от земных тягот и страданий, в то время как душа, оставив обращенное в прах тело, отойдет к Создателю, воссоединится с предками: «В землю хочу <...> Земля меня к себе кличет» [12, 291]. На мистическую связь человеческого тела и земли, выступающую на первый план в образе деда Гришаки, обратила внимание Н.В. Стюфляева, комментируя следующие портретные штрихи: «По пальцам, скрещенным над костылем, по кистям рук, по выпуклым черным жилам шла черная, как чернозем в логу, медленная в походе кровь» — «Такая близость самого воцеркованного персонажа «Тихого Дона» к земле не случайна: чем ближе человек к Богу, тем ближе он к той земле, которая освящена Им» [14, 4].

В целом «власть земли» в романе умиротворяющая, умудряющая. Труд на ней является точкой опоры для многих героев. Она представляется живой, напоминает мать, ждущую, пока её заблудшие дети, наконец, вернуться к своим корням и сменят оружие на плуги.

В «Поднятой целине» мы находим подобную мысль: «Была она [степь. — О. Г.] теперь, как молодая кормящая грудью мать...» [15, 7]. Заметим, что данная и подобная ей картины нарисованы глазами автора, чье отношение к земле остается неизменным, однако на всём протяжении второго романа Шолохова «власть земли» над героями заметно ослабевает. Это стало отражением происходившего в стране процесса коллективизации и ломки традиционного уклада. Привязанность к земле теперь подавалась как склонность к частной собственности, с которой активно велась борьба.

На наш взгляд, в «Поднятой целине» нагляднее проступает потребительский, материально-вещественный подход к земле, порожденный новой системой требований к селу и крестьянину-земледельцу. Главное ее восприятие — возделываемая *пашня* — обусловлено преобразующей деятельностью людей во имя новой жизни. Позиция «передового» человека, пришедшего, говоря словами С. Есенина, «зауздать землю» («Вот такой, какой есть»), выражена героем, вызывающим бесспорную симпатию: «У нас должны взойти! И, если нам потребуется, два раза будем сымать урожай. Наша земля, нам принадлежащая, что захотим, то из нее и выжмем, факт!» [16, 323]. В очерке «По правобережью Дона» (1931 г.) «алчущая обсеменения» [17, 61] земля также предстает покоренной пашней, с которой многочисленные машины ведут «борьбу» [17, 63].

В «Поднятой целине» не так много героев, власть земли над которыми была бы всё еще очень сильна. Если хозяйственность и трудолюбие отмечены у целого ряда героев (Давыдов, Майданников, Демид Молчун и др.), то настоящему «знает <...> землю» [16, 115] только Яков Лукич Островнов, выбившийся в середняки именно благодаря грамотной работе на земле, за что и имел похвальный лист от окружного земельного управления, по этой же причине Давыдов выдвигает его в завхозы. Однако земля для него имеет ценность материального характера, это лишь объект обработки, «хворая баба» [16, 22], за которой надо ходить, а не «любушка», не «землюшка», не кормилица в своем поэтическом восприятии.

В прозе Шолохова более позднего времени, по замечанию Д.В. Поля [18], наблюдается дальнейшее угасание мотива земли, потеря ее магической силы и власти. Солдаты из романа «Они сражались за родину» мечтают вернуться к семьям, а не к пашне, как это наглядно продемонстрировалось в «Тихом Доне». В контексте неоконченного романа, рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека» «земля—родина» имеет силу и власть иного рода, объединявшую

людей из разных уголков страны. Отсюда рождается наполненное положительной экспрессией однокоренное — «земляк».

Проблема связи человека с землей из границ *насильственного отлучения*, о котором, по сути, писал М.А. Шолохов, в произведениях Ф.А. Абрамова трансформируется в порицание *добровольного отречения* от нее в пользу комфорта. Писатель рассматривал землю через призму хозяйствования, для него она, прежде всего, пожня, пашня, «которая дает человеку жизнь» [19, 81] и которая нуждается в рачительном, умном хозяине. Наблюдения за деревней 1970-х г. привели его к выводу о коренном изменении отношения северянина к земле. Попытка разобраться в причинах происходящих пагубных изменений наиболее ярко выразилась в очерках «Пашня живая и мертвая», «О хлебе насущном и хлебе духовном», «От этих весей Русь пошла...», «На ниве духовной» и открытом письме «Чем живем-кормимся». Художественное же обрамление она получила в серии романов «Братья и сестры» и, в особенности, в последнем из них — «Дом».

Во всем цикле на фоне отечественной истории и сложных преобразований русской деревни автор рисует судьбы людей, живущих на земле, их приоритеты и ценности. Вся жизнь Михаила Пряслина, главного героя тетралогии, связана с землей, он умеет и хочет на ней работать. Правда, заключающаяся в том, чтобы жить и трудиться на земле, обретенная Григорием Мелеховым ценой душевных мук, скитаний и потерь, старшим из братьев Пряслиных не подвергается сомнению. Другая историческая реальность, лишенная апокалипсичности, позволяет героям сделать осознанный выбор.

Писателю интересен и важен не только результат, но и процесс труда на земле, соответствующие сцены наполнены оптимизмом, авторским любованием красотой земли и людей. Эстетика во многом определяется динамикой и интенсивностью, «споростью» самого процесса, возможно, поэтому Ф.А. Абрамов изобразил несколько соревновательных покосов, вспашку. На страницах первых трех романов Михаил Пряслин вместе с сотнями других пекашинцев работал на сенокосах, засеивал хлеб, пахал, корчевал и видел в этом свое предназначение, свой долг и свою отдушину, однако в «Доме» он практически одинок в своей привязанности к земле, ее знанию и особом мудром чувствовании.

Д.В. Поль указал на то, что уже в «Тихом Доне» М.А. Шолохов предугадал тот конфликт цивилизации с деревней, который станет позднее одним из предметов рассмотрения в деревенской прозе [18, 40]. Следуя данной логике, можно утверждать, что если Григорий Мелехов М.А. Шоло-

хова в силу исторических катаклизмов и вопреки полной пригодности к общему делу «первый лишний землепашец» [18, 40], то в последнем романе тетралогии Ф.А. Абрамова Михаил Пряслин — один из тех, кто идет следом за ним, несмотря на свое трудолюбие и озабоченность судьбой пашни.

Корни отрешения людей от земли и его историческое развитие в авторском видении целесообразно искать еще в первых трех частях тетралогии.

В романе «Братья и сестры» изображена жизнь деревни Пекашино в дни Великой Отечественной войны, складывающаяся из скоротечных передышек и тяжелейшей работы, превращающей тощие северные подзолы и супеси в «гектары победы» [20, 68]. Во второй и третьей книгах запечатлелось меняющееся отношение к земле. Если в военные годы сокращение посева, оставление полей «на годик-другой в пары» [20, 9] воспринималось как вредительство и подрыв фронта, то в конце 1940-х г. заброшенные поля, несмотря на увеличение рабочей силы и числа техники, на обеспокоенность такой ситуацией власти, всё же стали появляться во многих северных колхозах. Ф.А. Абрамов в «Путьях-перепутьях» не без горечи писал: «...председателей мылили, песочили, отдавали под суд — ничего не помогало: пустошей становилось больше год от году» [21, 477]. В 4-й книге, действие которой относится к 1970-м годам, пустующая земля, увы, привычное дело. Когда Михаил возвращается из больницы домой, то по дороге видит и заброшенные поля, которые в годы войны до потери сил освобождали от осинника, и загубленную бездумной обработкой пашню, и равнодушного тракториста, слепо исполняющего распоряжение малограмотного агронома. И реакция Пряслина на «похороненные» семена и пашню естественна для рачительного крестьянина: «...как это он не имеет права? На твоих глазах убивают человека — неужели не вступишься? А тут не человека — жизнь в Пекашине убивают» [22, 718].

Стремление разобраться в причинах произошедшего приводит автора и читателей к целому ряду взаимосвязанных факторов. С одной стороны, писатель показывает людей, которые обессилели за время войны и теперь хотят спокойной жизни: «...народ другой стал. Не хотим рвать себя как прежде, все легкую жизнь ищут <...> Раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают...» [22, 649], — говорит Лиза Пряслина, объясняя брату Петру, почему работающего Михаила недолюбливают в деревне.

С другой стороны, в послевоенные годы колхоз, практически ничего не давая взамен, продолжал «выжимать» крестьянина, который и после победы по-прежнему мечтает о хлебе. Работая на

поле или пожне на износ, люди получали в десятки раз меньше, чем на сплаве леса или разгрузке продовольственных, промышленных товаров с баржи, которые, к слову, очень редко попадали в пустую лавку колхозника. И «этот кремневый мужик, который и работать горазд, и в войну под расстрелом у немцев стоял, не может смириться с несправедливостью» [23, 41]. Свое пьянство один из героев, Петр Житов, так и объясняет: чтобы чувствовать себя человеком, потому что пьяный ничего не боится и может высказать начальству свое возмущение.

Наконец, молодежь слышит и видит жизнь более благополучную, яркую, не требующую изнурительного труда. Сопоставляя тяготы крестьянского существования и низкую отдачу земледельческого труда с благами городской цивилизации, Егорша, Татьяна, а за ними Лариса, дочь Михаила, и некоторые другие герои устремились в города. В этом нетрудно увидеть типичную для 1970-х годов тенденцию, при которой для большей доли сельского населения России труд и образ жизни предков вместе с материальным значением как единственно возможного способа существования теряли свою ценность.

Однако Ф.А. Абрамов не ностальгировал по старым временам. Еще в конце 1970-х г. он прямо говорил о том, что «тяжелый крестьянский труд с его мозолями и потом ушел в прошлое <...> в прежнем понимании крестьян нынче нет» [19, 82], что новое время требует нового человека, наделенного чувством хозяина земли, тем качеством, которое предполагает личную заинтересованность, порядочность, активность и ответственность за все, что происходит вокруг. Смысловое сращивание понятий *земля, жизнь и ответственность* увенчивает авторскую концепцию, характеризуя его самого как человека, не только помнящего о прошлом, но и думающего о будущем.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в творчестве М.А. Шолохова и Ф.А. Абрамова проблема связи человека с землей является одной из важнейших. В их произведениях запечатлелся и мотив поклонения земле, ее властвующая сила над жизнью и душой русских людей, и постепенное угасание этой тяги, а также попытка разобраться в причинах и последствиях произошедшего. Люди земли чувствуют свою близость к природе не только в процессе труда, они спаяны с нею корнями своего существования. Обращение к жизни и быту земледельца, связанного с природным миром, переплетается с умением обоих писателей глубоко раскрыть сущность русского национального характера в его связях с традициями классической литературы и народного творчества.

Герои романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» руководствуются традиционно-фольклорным восприятием земли, интуитивно ощущают и чувствуют ее притяжение, умудряющее влияние, в произведении прослеживается исконное почтение земли как кормилицы и пристанища духа. В «Поднятой целине» проявляется веяние нового времени с его потребительским отношением к чтимой автором и поэтически воспринимаемой земле. Ф.А. Абрамов, помимо гуманистических размышлений, ставит вопрос об ответственности человека за судьбу земли, за жизнь пашни и участи людей, живущих на ней.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Издание репринтное / А.А. Коринфский. — М. : Издание книгопродавца М.В. Клюкина, 1901. — 720 с.
2. Успенский Г.И. Власть земли: [сборник] / Г.И. Успенский / Сост., предисл. и примеч. А.П. Ланщиков. — М. : Советская Россия, 1988. — 395 с.
3. Шолохов М. Собрание соч.; в 9-ти т. Т.1. Рассказы / М. Шолохов. — М. : Художественная литература, 1969. — 432 с.
4. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 2. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 1 / М. Шолохов. — М. : Художественная литература, 1969. — 416 с.
5. Сатарова Л.Г. Природа в философско-эстетической концепции романа Шолохова «Тихий Дон»: автореф... канд. филолог. наук / Л.Г. Сатарова. — М. : МГПИ им. Ленина, 1984. — 16 с.
6. Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера / Н.Ю. Желтова. — Тамбов : Издательство ТГУ. — 2004. — 309 с.
7. Бирюков Ф. Художественные открытия Михаила Шолохова / Ф. Бирюков. — М. : Современник, 1976. — 350 с.
8. Хватов А. На страже века / А. Хватов. — М. : Современник, 1975. — 478 с.
9. Якименко Л. «Тихий Дон» М. Шолохова. О мастерстве писателя / Л. Якименко. — М. : Советский писатель, 1954. — 404 с.
10. Абрамов Ф.А. «Поднятая целина» М. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук / Ф.А. Абрамов. — Л., 1951. — 375 с.
11. Абрамов Ф. Горжусь, что я из деревни. (Из встречи в Концертной студии Останкино, 1981 год) / Ф. Абрамов // 15 встреч в Останкине / Сост. Т. Земскова. — М. : Политиздат, 1989. — С. 88-117.
12. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 4. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 3 / М. Шолохов. — М. : Художественная литература, 1969 г. — 440 с.
13. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 5. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 4 / М. Шолохов. — М. : Художественная литература, 1969г. — 504 с.
14. Стюфляева Н.В. Символика донского пейзажа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: учебно-методическое пособие / Н.В. Стюфляева. — Липецк: ЛГПУ, 2006. — 38 с.
15. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 7. Поднятая

О.В. ГОЛОТВИНА

целина. Роман в 2-х кн. Кн. 2 / М. Шолохов. – М. : Художественная литература, 1969г. – 404 с.

16. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 6. Поднятая целина. Роман в 2-х кн. Кн. 1 / М. Шолохов. – М. : Художественная литература, 1969г. – 368 с.

17. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 8. Рассказы, очерки, статьи, выступления / М. Шолохов. – М. : Художественная литература, 1969 г. – 480 с.

18. Польш Д.В. Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М.А. Шолохова: автореф. дис... д-ра. филолог. наук / Д.В. Польш. – М. : ИМЛ им. А.М. Горького, 2008. – 52 с.

19. Абрамов Ф. Слово в ядерный век: Статьи;

Очерки; Выступления; Интервью; Литературные портреты; Воспоминания; Заметки / Ф. Абрамов. – М. : Современник, 1987. – 448 с.

20. Абрамов Ф. Братья и сестры. Кн.1 / Ф. Абрамов // Братья и сестры. Роман в 4 кн.– Л. : Советский писатель, 1982. – 808 с.

21. Абрамов Ф. Пути-перепутья. Кн. 3 / Ф. Абрамов // Братья и сестры. Роман в 4 кн. – Л. : Советский писатель, 1982. – 808 с.

22. Абрамов Ф. Дом. Кн. 4 / Ф. Абрамов // Братья и сестры. Роман в 4 кн. – Л. : Советский писатель, 1982. – 808 с.

23. Золотусский И. Федор Абрамов. Личность. Книги. Судьба/И. Золотусский. – М.: Советская Россия, 1986. – 160 с.

Голотвина О. В.

Соискатель кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета, г. Липецк; преподаватель литературы педколледж г. Усмань.

E-mail: golotwin@mail.ru

O. V. Golotvina

The seeker of the department of literature of Lipetsk state teachers' training institute, Lipetsk

The literature teacher of Usman primary-school teachers' training college, Usman

E-mail: golotwin@mail.ru